

V. ЛИСТОВКА А. А. СЕРНО-СОЛОВЬЕВИЧА ПРОТИВ Н. П. ОГАРЕВА

Публикация Ф. Фрейдфельда

Александр Серно-Соловьевич принадлежит, несомненно, к наиболее выдающимся представителям молодого поколения русской эмиграции, обосновавшейся в 60-х годах прошлого века в Женеве. В. И. Ленин в статье «Памяти Герцена» ставит имя А. Серно-Соловьевича рядом с именами Чернышевского и Добролюбова («Чернышевский, Добролюбов, Серно-Соловьевич, представлявшие новое поколение революционеров-разночинцев, были тысячу раз правы, когда упрекали Герцена за эти отступления от демократизма к либерализму»¹). Будучи русским эмигрантом, он принимал живейшее участие во всех вопросах русского революционного движения. Убежденный интернационалист, он посвящал одновременно все свои недюжинные силы рабочему движению той страны, в которой ему суждено было окончить свою рано оборвавшуюся жизнь.

Литературное наследство Серно-Соловьевича сравнительно невелико. Несмотря на это, до сих пор не была еще сделана попытка собрать и напечатать все написанные им статьи, брошюры и листовки. До сих пор не разыскан даже ряд работ, имеющих чрезвычайно важное значение для истории русского революционного движения. В своей интересной статье о Серно-Соловьевиче Б. П. Козьмин² указывает, например, что русским историкам неизвестны работы Серно-Соловьевича, относящиеся к польскому вопросу. Именно это обстоятельство побудило меня сделать попытку разыскать, по крайней мере, часть работ Серно-Соловьевича, не имеющих в советских библиотеках. Попытка моя увенчалась успехом. В женевской университетской библиотеке мне удалось найти упоминаемую Козьминым и представляющую большой интерес листовку Серно-Соловьевича «Польский вопрос. Протест русского против «Колокола».

Найденная мною листовка — несомненно, одно из самых ранних произведений Серно-Соловьевича. По своему содержанию она является протестом против статьи Огарева «По поводу продажи имений в западном крае», напечатанной в «Колоколе» 1 ноября 1866 г.

Каких-либо точных указаний относительно того, когда вышел в свет «Польский вопрос», нет. На основании ряда данных можно, однако, приблизительно установить время напечатания этой листовки. Серно-Соловьевич указывает, что у него на руках были корректурные листы статьи Огарева. Возмущенный содержанием этой статьи, он сделал попытку убедить Огарева в неправильности его точки зрения и побудить его сделать существенные поправки. Попытка эта не увенчалась успехом. Свою листовку Серно-Соловьевич написал, наверно, сейчас же после выхода но-

А. А. СЕРНО-СОЛОВЬЕВИЧ
Фотография
Литературный музей, Москва

ябрьского номера «Колокола», который окончательно убедил его в неизбежности и необходимости открытого разрыва с Герценом и Огаревым. Некоторое время заняли, далее, переговоры относительно напечатания «Польского вопроса» в герценовской типографии, которые тоже окончились неудачей. Только тогда, когда он убедился в невозможности совместной работы с Герценом, Серно-Соловьевич решил напечатать свой протест на французском языке в форме приведенной ниже листовки. В январе 1867 г. Серно-Соловьевич разотал уже над своей старой брошюрой, тоже направленной против Герцена³. Можно, поэтому, с уверенностью утверждать, что «Польский вопрос» был напечатан в декабре 1866 г.

Как выяснение этой даты, так и содержание листовки чрезвычайно важно для истории русской эмиграции 60-х гг. Лишь после долгих колебаний Серно-Соловьевич решился на открытый разрыв с Герценом. Только после того, как окончились неудачей все его попытки наладить сотрудничество с «Колоколом», он решился на открытое выступление против Герцена. Листовка «Польский вопрос» является первым этапом в истории разрыва Серно-Соловьевича с редакторами «Колокола». В мае 1867 г. разрыв этот нашел исключительное по своей резкости выражение в известной брошюре «Наши домашние дела».

Как все известные нам работы Серно-Соловьевича, листовка «Польский вопрос» отличается четкостью постановки разбираемого вопроса. Автор глубоко симпатизирует польскому движению в его борьбе за национальное освобождение, в его борьбе против руссификаторской политики царского правительства. «Однако, — пишет он, — ваше дело не есть наше дело, покамест польское движение будет итти под знаменем аристократов и попов, покамест польское движение не сделается движением народным».

Публикуем русский перевод листовки, написанной первоначально по-русски, но напечатанной в Женеве на французском языке. Напечатанные разрядкой слова и предложения подчеркнуты Серно-Соловьевичем.

Сохранилось указание, что Серно-Соловьевич выразил свои взгляды на польский вопрос не только в приведенной выше листовке, но и в какой-то статье, напечатанной в журнале «Le peuple polonais». Статья «Le peuple polonais», пишет Герцен своему сыну в письме от 4 июня 1868 г., «не так дурна, она скорее дерзка и обходит вопрос, впрочем, Бакунин пишет ответ. Писал ее Ченснович с Серно-Соловьевичем»⁴.

Найти статью, которую имел в виду Герцен, сравнительно легко. Дело в том, что первый номер журнала «Le peuple polonais» вышел в Женеве 15 мая, а второй 15 июня 1868 г. Так как письмо Герцена написано 4 июня 1868 г., то ясно, что он ссылается на первый номер польского журнала. В этом номере есть действительно статья, к которой подходит характеристика Герцена. Статья эта подписана буквами А. Сз. Под этими буквами скрывается, несомненно, А. Szczesnowicz (Щеснович), один из редакторов «Le peuple polonais». Она является ответом на напечатанную в седьмом номере «Колокола» от 15 апреля 1868 г. статью Герцена «К польскому вопросу»⁵. На чем основано утверждение Герцена, что в составлении этой статьи принимал участие Серно-Соловьевич, неизвестно. Попробуем собрать некоторые данные, на основании которых можно было бы разрешить вопрос о сотрудничестве Серно-Соловьевича.

Не подлежит, прежде всего, никакому сомнению, что Щеснович лично знал и уважал Серно-Соловьевича. Листовка Серно-Соловьевича «Польский вопрос» обратила, конечно, на себя внимание всех поляков-эмигрантов. Тем большее впечатление она должна была произвести на Щесновича, который, подобно Серно-Соловьевичу, был резким противником аристократических тенденций польского освободительного движения и помещал почти в каждом номере своего журнала резкие нападки на Замайского, Чарторыйского и других представителей польской аристократии. Резкая критика поэзии «Колокола» в польском вопросе должна была тоже содействовать сближению Серно-Соловьевича и Щесновича. Их связывала, наконец, и идея активной борьбы, резко выраженная в брошюре «Наши домашние дела», которую упоминает в своей статье Щеснович. Все выступления Серно-Соловьевича должны были убедить Щесновича, что Серно-Соловьевич был тем представителем русской революционной эмиграции, которого можно было привлечь к сотрудничеству в издаваемом им журнале.

Наравне с Чернышевским, Серно-Соловьевич принадлежит к тем русским революционерам-демократам, о которых редакция и сотрудники «Le peuple polonais» упоминают с особенной симпатией. И когда Серно-Соловьевич 1 августа 1869 г. покончил с собою, Щеснович посвятил ему несколько прочувствованных слов. «Последний номер русского журнала («Дело народа»), — пишет он, — содержит своего рода некролог Серно-Соловьевича. Статья эта глубоко прочувствована и тщательно разработана. Приходится пожалеть, что Серно-Соловьевич только после смерти находит надлежащую оценку»⁶.

Указание Герцена, что Серно-Соловьевич принимал участие в составлении статьи в «Le peuple polonais», не лишено, таким образом, правдоподобия. Как характер журнала, так и отношение его редактора к Серно-Соловьевичу не дают, во всяком случае, основания для утверждения, что Герцен ошибся, что Серно-Соловьевич

никоим образом не может быть признан сотрудником Щесновича. Степень участия Серно-Соловьевича в составлении вышеупомянутой статьи нельзя, однако, преувеличивать. Сравнительно с брошюрой «Наши домашние дела» статья эта написана в очень спокойном тоне. Тон этот следует несомненно приписать Щесновичу. Негодование Серно-Соловьевича против Герцена навряд ли утихло со времени появления в печати вышеупомянутой брошюры. Участие Серно-Соловьевича в составлении статьи вряд ли носило авторский характер и выразилось, по всей вероятности, лишь в том, что он обратил внимание Щесновича на политические ошибки Герцена. В целом же автором статьи в «Le peuple polonais» следует признать не Серно-Соловьевича, а Щесновича.

Листовкой «Польский вопрос» и участием в составлении статьи «Прискорбные последствия неудавшегося священного союза» в «Le peuple polonais» ограничилась, повидимому, публицистическая деятельность Серно-Соловьевича в области польского вопроса. Его отвлекло от этого рабочее движение в Женеве, которому он посвятил свои последние силы и последние дни своей жизни.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ленин, Сочинения, т. XV, стр. 467.

² Б. П. Козьмин, А. А. Серно-Соловьевич в I Интернационале и в женевском рабочем движении. — «Исторический сборник», т. 5, М.—Л., 1936 г.

³ Герцен, т. XX, стр. 192.

⁴ Там же, стр. 307.

⁵ Там же, стр. 231—48. При статье дата: 25 марта 1868 г.

⁶ «Le peuple polonais», № 31, 20 декабря 1869 г.

ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС

ПРОТЕСТ РУССКОГО ПРОТИВ «КОЛОКОЛА»

Довольно, довольно уступок с нашей стороны, сделанных по отношению к заслугам прошлого времени. Уступать дальше и все молчать — нам более не позволительно.

Несмотря на то, что я резкий противник поведения господ издателей «Колокола» («Cloche»), я молчал до настоящего времени, так как не мог преодолеть моего отвращения к откровенному освещению раздора в нашем собственном лагере. Я молчал даже тогда, когда в «Колоколе» появлялись письма, достойные верноподданного, адресованные тому, который руководит Муравьевым; когда появлялись статьи, в которых выражалось скрытое презрение к нашим молодым мученикам. Я молчал, потому что я не хотел, чтобы Катковы, Скарятини и их подлая шайка шпионов и доносчиков видели раздор, разделяющий микроскопическую горсть людей, связанных, однако, общим именем русская эмиграция. Я, наконец, молчал, вспоминая ту безграничную любовь, то глубокое уважение, которое я некогда питал к господам Герцену и Огареву. Господа редакторы «Колокола» не хотят, однако, слушать ни совета, ни мольбы людей, принадлежащих к их партии. На все их призывы они отвечают: «Пишите против нас». Они отрекаются, таким образом, от всякой солидарности с нами. Хорошо! Теперь пришла наша очередь разорвать все политические узлы, которые связывали нас.

В 224-ом номере «Колокола» (от 1 ноября) опубликована статья господина Огарева «Продажа имений в Западном крае» (Польше). Имея в руках корректурные листы этой статьи, я напрасно просил г. Огарева вычеркнуть все то, что относится к его проекту колонизации Польши русскими крестьянами. Я ему говорил, что эта идея, неправильная сама по себе, будет наиболее жестоко оскорблением для тех, которым «Колокол» ежедневно повторяет «наши братья поляки». Господа редакторы не захотели согласиться с этой поправкой. Они сослались на свои социалистические теории; они объявили, что этой статьей они продолжают следовать заветам своего прошлого и остаются верны знамени, которое они подняли 10 лет тому назад.

Выступить ныне с публичным протестом именно против этой статьи я считаю своим долгом.

Не будучи никем уполномочен, не выражая мнения какой-нибудь партии или даже какой-либо партийной фракции, я протестую лишь от своего собственного имени.

Я протестую для того, чтобы указать полякам, что в России есть еще люди, которые, стыдясь своей роли палачей и разбойников, искренне и без всякой задней мысли желают освобождения Польши, т. е. отделения всего польского от России. Эти люди думают, что необходимо, чтобы мы, русские, до заключения какого-либо примирения, до организации общего хозяйства на какой бы то ни было основе, совершили акт раскаяния и справедливости.

Я протестую, потому что господа издатели «Колокола» изменили, повидимому, точку зрения на польский вопрос. — Ведь они раньше требовали для Польши право полного внутреннего самоуправления на тех основах, которые она признает наилучшими.

Я протестую, чтобы засвидетельствовать, что «Колокол» не является больше знаменем молодой России, что он выражает только личные взгляды господ Герцена и Огарева.

Я протестую, потому что статья, о которой идет речь, является громадной политической ошибкой. До сих пор мы, наша партия, упрекали всегда поляков в узости их взглядов, в ненависти и недоверии, которые они нам выражали. Мы, правда, русские, но русские, посланные на плаху или на каторгу. Да, но можем ли мы после статьи Огарева требовать еще от них, чтобы они доверяли нам? Простят ли они нам когда-нибудь эту статью и не будут ли они правы? Что касается меня, то если бы я был поляком, то такое обстоятельство удвоило бы мою ненависть ко всему тому, что носит имя русского. Для чего же после этого повторять постоянно полякам: «Наши братья», для чего «протягивать им руку», для чего особенно декламировать громким голосом: «Ваше дело — это наше дело»?

Я протестую для того, чтобы доказать, что громкие фразы г. Огарева относительно вреда, который причинит Польше введение мелкого русского землевладения (шляхта), указывают на полное непонимание вопроса и на полное отсутствие такта у редакторов «Колокола». В самом деле, эта русская шляхта, которая скупит теперь национальные имения, вольется неизбежно в польский элемент. Но если русское правительство, приняв проект «Колокола», наводнит Польшу русскими крестьянами и облегчит им кроме того средства к существованию, тогда можно будет поистине сказать относительно Польши: «Finis Poloniae».

Я протестую, потому что конец статьи Огарева противоречит началу, потому что начало исходит от одного, а конец от другого. Я спрашиваю его: что понимают под руссификацией, полонизацией, германизацией и т. д.? Не есть ли это принудительное внедрение в страну чуждого элемента? Но что это такое, колонизация Польши русскими крестьянами, как не принудительное внедрение в Польшу чуждого элемента, как не руссификация Польши. Но помилуйте! «Взаимное соглашение» напоминают нам господа редакторы «Колокола». Мы знаем, что значит взаимное соглашение в устах русского правительства. А если господа редакторы этого не знают, то пусть они потрудятся спросить нас, которые лучше их знают современную Россию. Взаимное соглашение означает, далее, двустороннее соглашение. Я надеюсь, однако, что даже господа Герцен и Огарев не могут серьезно предполагать, что тишайший и чувствительнейший Александр II за-

просит поляков, расположены ли они покинуть свою страну или что поляки согласятся добровольно покинуть свою родину.

Я протестую, наконец, потому, что я понимаю способ осуществления социалистических теорий и обновление социальных форм жизни не так, как это понимают господа редакторы «Колокола». Прежде чем предлагать лекарство, необходимо доказать свою медицинскую способность, быть принятым в качестве медика. Но если мне предлагают лечение на конце нагайки или штыка, то я сам имею право сказать: «Или убирайтесь из моего дома, или признайтесь, что вы разбойники и палачи». Настоящие социалисты не желают, чтобы народы пожирали друг друга как дикие звери. Один из важнейших вопросов, который разрешит социализм будущего, есть нахождение формулы, которая, восстанавливая экономические основы общества, даст не только каждой нации, но и каждой местности, каждой общине возможность жить полной и независимой жизнью.

Я не скажу полякам: «Наши дорогие братья», «дадим друг другу руки», «ваше дело есть наше дело» и прочие красивые фразы. Я им напротив совершенно откровенно скажу следующее: я глубоко симпатизирую вам, как нации героев, как нации угнетенной, я особенно симпатизирую вам, как нации, угнетенной народом, которому принадлежу я. Однако, ваше дело не есть наше дело, покамест польское движение будет итти под знаменем аристократов и попов, покамест польское движение не делается движением народным. До сего дня мы связаны только общей ненавистью к немецким ублюдкам, нашим государям и тиранам.

Во всяком случае, какова бы ни была судьба, которую будущее предназначает Польше, необходимо следующее: сначала отделение ее и всего польского от России, а потом, если это возможно, — свободная федерация; сначала разделение, а позже братский союз.

Я повторяю еще раз, что я говорю только от своего имени. Я, однако, уверен, что русское молодое поколение будет со мной, а не с «Колоколом». Я не могу думать, что могущественные, полные гениальности слова Чернышевского упали бы напрасно на бесплодную почву. Учитель, которого нам теперь недостает! Я отдал бы с наслаждением свою жизнь, чтобы сберечь тебя от мучений, которым тебя подвергают эти подлые убийцы.

А если русское молодое поколение стоит на стороне «Колокола»? Тогда я буду один проповедывать полное отделение Польши, тогда я буду один протестовать против всякого рода руссификации и еще раз прокляну день и час, когда я родился среди рабов.

Р. S. Этот протест я послал на русском языке в русский свободный журнал «Колокол». Свободный журнал отказался его напечатать. Я хотел опубликовать его на свой счет в вольной русской типографии. Вольная типография отказалась его напечатать.

«О свобода! Сколько преступлений совершено во имя твое», — сказала г-жа Ролан, ступая на плаху.

«О свобода! Как мало людей, которые в состоянии понять и, особенно, полюбить тебя», — скажу я редакторам «Колокола».

Продается в книжном магазине M-lle Daig

Улица Монблан 16, в Женеве.

Цена 5 сант.

Женева. Типография Пфедфер и Пуки.